

DOI 10.58351/2949-2041.2026.31.2.016

Цыганова Маргарита Александровна,
Студентка, ФГБОУ ВО МЗ РФ ЯГМУ

Семенова Светлана Викторовна
врач неонатолог отделения патологии новорожденных и недоношенных детей
Областная детская больница (Областной перинатальный центр)

Белозерова Лариса Николаевна
врач функциональной диагностики
Областная детская больница (Областной перинатальный центр)

Кузьмина Дарья Алексеевна,
Ординатор, ФГБОУ ВО МЗ РФ ЯГМУ

Научный руководитель:
Поликарпова Ирина Ивановна
канд. мед. наук, доцент кафедры госпитальной педиатрии ЯГМУ
ФГБОУ ВО МЗ РФ ЯГМУ

КРИТИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ СПИНАЛЬНОЙ МЫШЕЧНОЙ АТРОФИИ I ТИПА И СЛОЖНОГО ВРОЖДЕННОГО ПОРОКА СЕРДЦА У РЕБЕНКА ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ: КЛИНИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И АНАЛИЗ ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье представлен сложный клинический случай фатального течения спинальной мышечной атрофии (СМА) I типа у ребенка с отягощенным перинатальным анамнезом и коморбидной кардиологической патологией. Подробно описаны этапы интенсивной терапии, включая лечение рисдипламом с 5 месяцев, которое не привело к положительной динамике в неврологическом статусе

Ключевые слова: Спинальная мышечная атрофия, СМА I типа, мутация в гене, аутосомно-рецессивный тип наследования, рисдиплам, бульбарные нарушения, врожденный порок сердца, неонатология, дыхательная недостаточность, клинический случай

Введение

Спинальная мышечная атрофия (СМА) – одно из наиболее частых моногенных заболеваний с аутосомно-рецессивным типом наследования, обусловленное мутациями в гене *SMN1* (5q13.2). Частота встречаемости составляет 1 на 6000–10000 новорожденных [9]. I тип СМА (болезнь Верднига-Гоффмана) является наиболее тяжелой формой, манифестирующей на первом году жизни и без патогенетического лечения приводящей к летальному исходу в возрасте до 2 лет из-за дыхательной недостаточности и бульбарных нарушений.

Врожденные пороки сердца (ВПС) встречаются в популяции с частотой около 1% и редко ассоциированы со СМА, что делает их сочетание казуистическим [3]. Наличие критического ВПС у пациента с фатальной нейромышечной патологией создает порочный круг: гипоксемия на фоне порока усугубляет мышечную слабость, а невозможность эффективного кашля и вентиляции легких способствует развитию тяжелых респираторных инфекций и ателектазированию [7]. В последние годы патогенетическая терапия (нусинерсен, рисдиплам, онасемноген абепарвовек) кардинально изменила прогноз для пациентов со СМА [2]. Однако эффективность терапии в условиях тяжелой коморбидной патологии изучена недостаточно [6].

Цель данной работы – представить клиническое наблюдение пациента с сочетанием СМА I типа и сложного ВПС, проанализировать диагностический и лечебный алгоритмы, а также обсудить факторы, повлиявшие на фатальный исход.

Описание клинического случая

Пациент: Мальчик К., 2023 года рождения.

Анамнез жизни и перинатальный период. Ребенок от 3-й беременности (1-я – замершая беременность на сроке 14 недель, 2- роды), протекавшей с токсикозом в I триместре и перенесенной COVID-19-инфекцией на сроке 7 недель. У матери: аутоиммунный тиреоидит, гипотиреоз, артериальная гипертензия в анамнезе. Пренатальный кариотип плода – норма [5]. Роды I, срочные, путем планового кесарева сечения (тазовое предлежание) на сроке 39 недель. Масса тела при рождении 2600 г (дефицит массы 1-й степени), длина 49 см. Оценка по шкале Апгар крайне низкая – 3/4/4/5 баллов. С рождения отмечалась тяжелая депрессия дыхания и неврологическая симптоматика (атония, арефлексия), потребовавшая проведения первичной реанимации с интубацией трахеи и переводом на ИВЛ.

Клиническая картина и диагностика. При поступлении в ОРИТН обращали на себя внимание стигмы дисэмбриогенеза: деформации кистей и стоп, контрактуры в лучезапястных и локтевых суставах, асимметрия грудной клетки. Неврологический статус: синдром угнетения ЦНС, отсутствие сосательного и глотательного рефлексов, в последующем – эквиваленты судорог (фасцикуляции языка, остановка взора).

В первые сутки жизни при Эхо-КС выявлен сложный комбинированный ВПС: ДМПП по типу единого предсердия (рудимент перегородки 2 мм), ЧАДЛВ (правая легочная вена впадает в правое предсердие), множественные мышечно-трабекулярные ДМЖП, открытый артериальный проток (ОАП) 3 мм. В динамике отмечалось расширение правых отделов сердца и формирование умеренного стеноза клапана легочной артерии с градиентом давления до 28–32 мм рт. ст. Консультация в НМИЦ ССХ им. Бакулева: в экстренном кардиохирургическом лечении пациент не нуждался.

Молекулярно-генетическая диагностика. В возрасте 3,5 месяцев получен результат анализа на наличие экзонов 7 и 8 гена *SMN1*: зарегистрирована делеция экзонов 7-8 гена *SMN1* в гомозиготном состоянии, что является причиной проксимальной спинальной мышечной атрофии 5q (I типа) [1, 5].

Динамика состояния и лечение. Течение заболевания характеризовалось полной зависимостью от респираторной поддержки. Многократные попытки перевода на спонтанное дыхание (НСРАР) заканчивались развитием ателектазов (верхняя доля правого, затем левого легкого) и десатурацией. На 14-е сутки жизни констатируется отсутствие сосательного и глотательного рефлексов (псевдобульбарный синдром), что потребовало длительного зондового питания [1]. Ребенок медленно восстанавливал массу тела, отмечалась тяжелая постанатальная белково-энергетическая недостаточность, что соответствует современным представлениям о нутритивной поддержке критических новорожденных [4, 8].

Инфекционные осложнения были представлены вентилятор-ассоциированной пневмонией (*Achromobacter denitrificans*), что требовало многократной смены антибактериальной терапии (меронем, цефоперазон/сульбактам, ванкомицин). На фоне сохраняющейся потребности в ИВЛ в возрасте 1,5 мес. выполнена операция наложения трахеостомы.

Неврологический статус прогрессивно ухудшался по данным нейросонографии и МРТ выявлена прогрессирующая атрофия вещества головного мозга, расширение ликворных пространств. На ЭЭГ регистрировалась задержка формирования основной активности, очаговая эпилептиформная активность. Офтальмологом диагностирована частичная атрофия зрительного нерва.

В возрасте около 5 месяцев начата патогенетическая терапия СМА пероральным препаратом ридиплам в дозе 0,2 мг/кг/сут. На фоне терапии, по данным клинических наблюдений, не отмечалось существенной положительной динамики в неврологическом статусе, однако сохранялась стабильность гемодинамики и усвоение энтерального питания. С конца августа проводилась коррекция сердечной недостаточности (каптоприл, фуросемид, верошпирон).

Терминальный период. состояние ребенка резко ухудшилось на фоне гипертермии до 39,6 °С, резистентной к антипиретикам. В клиническом анализе крови – нейтрофильный лейкоцитоз, повышение СРБ (3 мг/л). Несмотря на начатую антибактериальную терапию, гипертермия достигла 40,8 °С, сопровождаясь нарастанием брадикардии. В 14:00 зафиксирована выраженная брадикардия (ЧСС <60/мин). Проведенные в течение 30 минут реанимационные мероприятия эффекта не возымели. В 14:30 констатирована биологическая смерть.

Заключительный клинический диагноз.

□ **Основное заболевание:** Спинальная мышечная атрофия I типа 5q (гомозиготная делеция экзонов 7-8 гена *SMN1*).

□ **Осложнения основного заболевания:** Дыхательная недостаточность III ст. Пневмония (неуточненная). Псевдобульбарный синдром. Кахексия (тяжелая белково-энергетическая недостаточность). Носитель трахеостомы.

□ **Сопутствующие заболевания:** Врожденный порок сердца: ДМПП (единое предсердие), частичный аномальный дренаж легочных вен, множественные мышечные ДМЖП. Врожденные костно-мышечные деформации. Маловесный к сроку гестации.

Обсуждение

Данный клинический случай представляет собой уникальное наблюдение течения СМА I типа в сочетании с гемодинамически значимым ВПС [3, 7]. Ранняя неонатальная манифестация с дыхательной недостаточностью и мышечной гипотонией характерна для СМА I типа, однако наличие сложного ВПС значительно утяжеляло состояние и затрудняло дифференциальную диагностику причин респираторного дистресса.

Важно отметить, что низкие баллы по шкале Апгар и ранняя дыхательная недостаточность могли быть обусловлены как нейромышечной слабостью, так и гипоксемией на фоне порока со сбросом крови [7]. Отсутствие сосательного и глотательного рефлексов с первых недель жизни является типичным для СМА I типа и требует раннего начала нутритивной поддержки для предотвращения трофологической недостаточности, которая усугубляет слабость дыхательной мускулатуры [8].

Начало патогенетической терапии ридипламом в возрасте 5 месяцев, хотя и соответствует мировым стандартам для симптоматических пациентов [6], состоялось относительно поздно. Исследования показывают, что максимальная эффективность терапии СМА достигается при ее старте в пресимптоматическом периоде или в первые недели жизни [10]. В данном случае, учитывая тяжесть коморбидного фона, даже своевременно начатая терапия ридипламом (позволившая, по данным исследований FIREFISH, достичь 81% выживаемости без постоянной вентиляции к 5 годам) [2, 6] не смогла предотвратить фатальный исход.

Летальный исход развился на фоне инфекционного эпизода, сопровождавшегося гипертермией. Для пациентов со СМА характерна термолабильность, а присоединение инфекции приводит к быстрой декомпенсации дыхательной мускулатуры. В данном случае декомпенсация была молниеносной и резистентной к терапии, что, вероятно, связано с исходно низкими функциональными резервами (кардиальными и респираторными). Инфекционный процесс, возможно, спровоцировал не только дыхательную, но и острую сердечно-сосудистую недостаточность на фоне имеющегося ВПС [3, 7].

Заключение

Представленное клиническое наблюдение демонстрирует крайне тяжелое течение сочетанной патологии – спинальной мышечной атрофии I типа и сложного врожденного порока сердца. Тандем этих заболеваний с первых минут жизни привел к развитию полиорганной недостаточности, потребовал сложной респираторной и нутритивной поддержки и, несмотря на применение современной патогенетической терапии, закончился летальным исходом при интеркуррентной инфекции. Данный случай подчеркивает важность мультидисциплинарного подхода (неонатолог, невролог, кардиолог, реаниматолог) и

необходимость дальнейшего изучения эффективности патогенетической терапии СМА у пациентов с тяжелыми коморбидными состояниями [6, 10]. Ранняя (желательно неонатальная) диагностика СМА с помощью программ расширенного неонатального скрининга могла бы позволить начать терапию на досимптоматической стадии [5], однако и в этом случае наличие критического ВПС остается серьезным фактором, ухудшающим прогноз [3].

Список литературы:

1. Shaw G. Risdiplam Shows Strong Efficacy in Infants with Type 1 Spinal Muscular Atrophy. *Neurology Today*. 2025.
2. Radiopaedia. Complex congenital heart disease: DORV, Malposed great arteries, VSD, PDA, PAPVR, Persistent left SVC & Interrupted IVC. Case study.
3. Журнал Неонатология: новости, мнения, обучение. Протокол проведения парентерального питания у новорожденных.
4. Medthority. Five-year data for Evrysdi (risdiplam) show the majority of treated children with a severe form of spinal muscular atrophy (SMA) achieved or maintained the ability to sit, stand or walk. 2024.
5. Radiopaedia. Dextrocardia, DORV, VSD, persistent left SVC & PAPVR. Case study.
6. Moltu SJ, et al. Nutritional Management of the Critically Ill Neonate: A Position Paper of the ESPGHAN Committee on Nutrition. *J Pediatr Gastroenterol Nutr*. 2021;73 (2):274-289.
7. Быков Ю.Н., и др. Клинический случай болезни Кугельберга-Веландера (спинальной мышечной атрофии III типа). *Байкальский медицинский журнал*. 2024;3 (1):45-52.
8. 2 Minute Medicine. Presymptomatic treatment of spinal muscular atrophy with risdiplam leads to improved functional outcomes. 2025

